

Соловьева Евгения Анатольевна
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e_rossignol@mail.ru

Актуализация основных действующих лиц в первом переводе романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык

Аннотация

Исследование переводов современных времени создания оригиналов произведений является необходимым звеном комплексного изучения индивидуального языка и стиля переводчика. В работе анализируются особенности переводческих решений, служащих для интерпретации действующих лиц в первом переводе романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык, который был выполнен А. А. Столыпным (Монго) – близким родственником поэта. Анализ переводческих решений осуществляется в семантико-функциональном аспекте, который дополняется исследованием частотности лексических единиц, актуализирующих героев произведения в оригинальном и переводном текстах. Полученные результаты свидетельствуют о том, что наиболее существенными особенностями передачи действующих лиц, присущими переводу А. А. Столыпина являются: определённый субъективизм и вольность интерпретаций, зачастую обусловленные современным переводчику экстралингвистическим культурным контекстом; стремление к облегчению номинативной идентификации героев произведения для иноязычного читателя; определённое пристрастие к иерархии и статусному маркированию персонажей; модификация объёма и содержания контекста, путём введения дополнительных конкретизаций, характеристик и описаний; тенденция к смягчению авторских суждений и к дополнительной экспликации мотивов и поведенческих черт героев; создание в переводе собственных экстратекстовых референций.

Ключевые слова: перевод, архитектура литературного образа, идентификация героев произведения, маркирование персонажей, индивидуальный стиль переводчика, А. А. Столыпин (Монго), французский язык

© Соловьева Е. А. 2022

Для цитирования: Соловьева Е. А. Актуализация основных действующих лиц в первом переводе романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 3. С. 135–147. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_135

Evgeniya A. Solovyeva
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation
e_rossignol@mail.ru

The main characters' interpretation in the first French translation of Mikhail Lermontov's novel "A hero of our time"

Abstract

Studying translations contemporary with creation of originals is crucial to create a comprehensive picture of translator's individual style. The present paper analyzes the interpretation of main characters in the first French translation of Mikhail Lermontov's novel "A hero of our time" performed by A. A. Stolypin (Monggo) who was Lermontov's coeval belonging to the poet's inner circle. The research resorts to functional and descriptive methods as well as to the frequency analysis of lexical units actualizing the characters in the original and

translated texts. The results show that the most significant features of rendering the characters by A. A. Stolypin's are: certain subjectivity and freedom of interpretation often due to the extralinguistic cultural environment of the translator; desire to facilitate heroes' nominative identification for foreign reader; predilection for hierarchy and status labeling of the characters; context modification by introducing additional specifications, features and descriptions; some tendency to soften the author's judgments and add explanations of the heroes' motives and behavior patterns; creation of his very own extratextual references.

Keywords: translation, architectonics of artistic image, characters' identification, characters' marking, individual translator's style, A. A. Stolypin (Mongol), French language

© Solovyeva E. A. 2022

For citation: Solovyeva, E. A. (2022). Aktualizatsiya osnovnykh deystvuyushchikh lits v pervom perevode romana M. Yu. Lermontova «Geroi nashogo vremeni» na frantsuzskiy yazyk [The main characters' interpretation in the first French translation of Mikhail Lermontov's novel "A hero of our time"]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (3), 135–147. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_135

1. Введение [Introduction]

Литературный образ обладает сложной архитектурой, которая проступает в процессе прочтения произведения и позволяет читателю понять общую закономерность социальной или предметной реальности посредством целостного восприятия её индивидуального воплощения. Реконструкция авторской репрезентации действующих лиц в переводном тексте – одна из важных и сложных проблем художественного перевода. Её успешное разрешение зависит не только от лингвистической компетенции переводчика, но и определяется его способностью верно декодировать авторский замысел. По данной причине художественный перевод всё больше рассматривается как неразрывное сочетание творческого почерка автора и переводчика, которое возникает в процессе прочтения, диалога и интерпретации [Morel, 2006 ; Beals, 2014 ; Peeters, 2016].

Наряду с этим, всё большую актуальность приобретают вопросы изучения и объективации индивидуального стиля переводчика, который в контексте дескриптивизма начинает пониматься как отличительная черта работы того или иного переводчика [Baker, 2000 ; Walder, 2013]. Однако полноценное осознание данной проблематики невозможно вне исторического и социального контекстов, поскольку переводчик формируется, существует как личность и реализует свою деятельность в антропологической парадигме своей эпохи. В связи с чем исследовательская ценность переводов, современных времени создания текста оригинала, представляется несомненной. Их анализ составляет важный этап в процессе объективации факторов, способных оказывать влияние на создание текста перевода.

2. Анализ переводческих решений [Translation techniques analysis]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» – одно из самых необычных явлений русской литературы. Сосредоточение композиции вокруг главного героя, разнообразие затекстовых референций, культурная наполненность текста отражают мировидение автора и формируют единую философско-художественную концепцию произведения. С момента своего создания роман стал востребованным у отечественного и зарубежного читателя и вскоре был переведён на несколько европейских языков [Кандель, 1962]. Автором первого перевода на французский язык стал Алексей Аркадьевич Столыпин (Монго), родственник и сослуживец поэта. Несмотря на многолетний и неослабевающий интерес учёных к личности переводчика и истории создания перевода, последний ещё ни разу не

становился предметом комплексного лингвистического анализа. Доступные для ознакомления комментарии об особенностях самого перевода носят фрагментарный характер [Cadot, 1967, с. 422, 424 ; Фокин 2014, с. 829, 830 ; Карбоне, 2020, с. 41–45].

Настоящая публикация является частью исследовательского проекта, посвящённого изучению индивидуального стиля переводчика, рассматриваемого в аспекте дескриптивной традуктологической парадигмы [Munday, 2008 ; Saldanha 2011 ; Saldanha 2014]. Целью работы стало выявление наиболее характерных семантико-функциональных особенностей переводческой актуализации основных действующих лиц произведения, а также поиск возможных экстралингвистических факторов, способных оказывать влияние на переводческие решения.

В общем нами было проанализировано 179 микроконтекстов в оригинальном и переводном текстах. С целью объективации исследования были учтены показатели частотности лексических единиц (далее – ЛЕ), служащих для актуализации образа героев. Дополнительный постпереводческий анализ с использованием обратного перевода позволяет более детально представить наблюдаемые явления. Ввиду ограниченного объёма статьи, остановимся на наиболее существенных особенностях рассматриваемого перевода.

Источниками русскоязычного материала послужили академическое издание романа 1954–1957 гг. [Лермонтов, Т. 6. 1957], а также отдельное издание 1843 г. [ГНВ, 1843] и тексты первых журнальных публикаций [ОЗ-2, 1839 ; ОЗ-6, 1839 ; ОЗ-8, 1840].

2.2. Особенности актуализации действующих лиц в переводном тексте [Peculiar features of characters interpretation in the translated text]

Формирование образов действующих лиц произведения подчиняется определённой авторской логике: вначале перед читателем предстаёт внешний облик персонажа, который затем дополняется его социальными и психологическими характеристиками [Герштейн, 1976]. Раскрытие образа главного героя следует той же схеме, но имеет гораздо более сложный, многоракурсный и отчасти исповедальный характер. Среди наиболее репрезентативных признаков действующих лиц можно выделить: 1) имя; 2) социальный статус; 3) описание внешности; 4) поведенческие и психоэмоциональные особенности.

Присутствующая в романе информация об именах персонажей тесно связана с их художественной функцией. Только главный герой произведения представлен читателю своим полным именем (Григорий Александрович Печорин), которое упоминается однократно. Сообщаются краткие сведения о его возрасте и социальном статусе: это относительно молодой (25–30 лет), светский, состоятельный человек, который, по-видимому, избрал карьеру военного, но вынужден из-за «истории» проходить службу на Кавказе в чине прапорщика. Другие действующие лица описаны в романе гораздо более фрагментарно. Так, например, остаётся неизвестным имя таманской девушки-контрабандистки, зыбкий и причудливый образ которой отличается заметной мифологической коннотацией.

Анализ переводческих решений свидетельствует о том, что А. А. Столыпин не всегда учитывает вышеназванные особенности. В частности, он не только ни разу не воспроизводит полного имени главного героя, но и избегает его именованию по имени и отчеству, несмотря на то, что сочетание первого и патронимического имени Печорина является в оригинале произведения 29 раз. Другой немаловажный персонаж – Максим Максимыч совершенно утрачивает в переводе своё имя. Оно отсутствует даже в заглавии главы («Максим Максимыч»), интерпретированном как «*Le capitaine*» («Капитан»). Первое и патронимическое имя вышеназванных героев иногда опускаются, но чаще заменяются их фамилией или ЛЕ, маркирующей социальный статус.

Несомненно, подобные решения отчасти оправданы и, можно полагать, обусловлены желанием максимально упростить для иноязычного реципиента идентификацию

персонажей. Для этой же цели А. А. Столыпин однократно прибегает к дополнительной экпликации имени главного героя путём подбора его французского эквивалента *Grégoire*. Однако полный отказ от употребления имени персонажа (Максим Максимыч) вступает, на наш взгляд, в заметное противоречие с авторским замыслом. Процитируем в качестве примеров (здесь и далее сохранена орфография источников, обратный перевод наш – Е. С.):

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
– А как его звали? – спросил я <i>Максима Максимыча</i> .	– Et comment se nommait-il? demandai-je au capitaine.	– И как его звали? - спросил я капитана.
– Его звали ... <i>Григорием Александровичем Печориным</i> [с. 209]	– Il s'appelait <i>Petchorine</i> . [29 Sept]	– Его звали Печорин.
– А что <i>Печорин</i> ? – спросил я.	– Et que devint le lieutenant ? demandai-je. – Le lieutenant fut longtemps à se remettre <...> [05 Oct]	– И что стало с лейтенантом? – спросил я.
– <i>Печорин</i> был долго нездоров <...> [с. 237]	– Je vous prie de m'appeler par mon nom tout court <...>. [29 Sept]	– Лейтенант долго выздоравливал <...>
– Да, пожалуйста, зовите меня просто <i>Максим Максимыч</i> <...> [с. 209]	– C'est lui ! ... c'est lui ! ... Il s'appelle <i>Grégoire</i> , n'est-ce pas ? [05 Oct]	– Я вас прошу звать меня просто по имени <...>.
– Ну так!.. так!.. <i>Григорий Александрыч</i> ?.. так ведь его зовут?.. [с. 241]		– Это он! ... Это он! ... Его зовут Грегуар, не так ли?

Обращает на себя внимание то, что на протяжении всего текста перевода имена некоторых героев воспроизводятся со значительными опечатками. Так, фамилия *Грушницкого* сначала передаётся как *Groubinsky* (досл. Грубинский – 25 употреблений) и *Groubinski* (1 употребление). Затем, после примечания редакции о том, что имела место ошибка, её написание изменяется на *Groushnitsky* (99 употреблений), а в 3 случаях она передаётся при помощи транскрипционной лексемы *Groushnitski*. Имеются и другие единичные расхождения при воспроизведении фамилии данного персонажа. Отметим, что использование буквосочетания *-sh-* свидетельствует об определённой языковой интерференции, поскольку является типичным для английского языка. В целом фамилия *Грушницкого* воспроизводится в переводе и в оригинале с сопоставимой частотностью: 129 и 122 раза соответственно.

Другая весьма заметная неточность отмечается при передаче имени таманского лодочника *Янко*, которое вначале интерпретируется как *Sauer* [07 Oct], а впоследствии трансформируется в *Janco* [15 Oct]. Можно предположить, что данная неточность обусловлена малоразборчивым почерком переводчика, на что указывал С. И. Недумов, изучавший его личную переписку [Недумов, 1974, с. 157].

Статусное маркирование действующих лиц реализуется в переводе гораздо чаще, чем в оригинале. Так, воинское звание *Грушницкого* появляется в тексте перевода 13 раз, а словосочинение *princesse Mery* (княжна Мери) – 19, тогда как в оригинале это происходит 5 и 8 раз соответственно. Иногда обращение к статусной репрезентации представляется излишним, поскольку вносит не всегда уместный дополнительный коннотативный формализм. Например:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
<i>Он</i> покраснел до ушей и надулся [с. 276]	<i>Le porte-enseigne rougit jusqu'aux oreilles et sa physionomie s'épanouit d'orgueil.</i> [14 Oct]	Подпрапорщик покраснел до ушей, и его лицо просияло от гордости.

«Я здесь, подле тебя, моя джанечка (то есть, по-нашему, душенька)», – отвечал он <...> [с. 235]	– Je suis là, à côté de toi, mon âme, lui répondit le lieutenant <...>. [05 Oct]	«Я здесь, рядом с тобой, душа моя», – ответил лейтенант <...>.
---	--	--

Передача воинских званий весьма любопытна и отличается определённым разнообразием. Она реализуется как путём подбора достаточно точных контекстуальных эквивалентов, так и посредством обращения к более приблизительным соответствиям. Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что для адекватной актуализации данного вида реалий переводчик использует как лингвистическую, так и интерпретативную стратегии перевода, с тенденцией к их «доместицирующей» передаче [Фененко, 2013]. В частности, звание Грушницкого *юнкер* актуализировано при помощи ЛЕ *porte-enseigne* (досл. знаменщик или знаменосец). Знакомство с современными эпохе билингвальными лексикографическими источниками свидетельствует, что данная ЛЕ эксплицировалась различно. В одних случаях, наряду с лексемами *enseigne* и *porte-étandard*, она трактуется как эквивалентная чину *прапорщика* [Рейф, 1835, с. 716]. Звание *прапорщика* являлось первым обер-офицерским званием Русской императорской армии и соответствовало XIV или XII классу «Табели о рангах», в зависимости от принадлежности к армейскому или гвардейскому подразделению [Шепелев, 1977, с. 32]. Другие источники указывают на соответствие ЛЕ *porte-enseigne* унтер-офицерским званиям *подпрапорщика*, *фанен-юнкера*, *штандарт-юнкера* или *юнкера* в целом. В свою очередь они интерпретируют лексему *enseigne* как соответствующую званию *прапорщика* [Эртель, 1842, с. 199; Эртель, 1841, с. 369].

Наряду с этим, согласно авторскому замыслу, юнкер Грушницкий является дворянином, желающим стать офицером и добровольно поступившим на службу в одно из армейских пехотных подразделений. (Эксплицитным подтверждением его принадлежности к пехоте служит, напр., упоминание о том, что накануне бала он приходит к Печорину в «полном сиянии армейского пехотного мундира»). А начиная с 1800 г. всех пехотных унтер-офицеров дворянского происхождения было принято именовать *подпрапорщиками* [Шепелев, 1977, с. 31]. Поэтому можно заключить, что переводческая интерпретация звания Грушницкого при помощи ЛЕ *porte-enseigne* обладает высокой степенью контекстуальной конкретизации, соответствует значению, присутствующему в словаре В. А. Эртеля и, вероятно, являлась приемлемой для речевой практики эпохи. Однако следует отметить, что уже в 1835 г. лексема *porte-enseigne* фиксируется французскими словарями как вышедшая из активного употребления, вместо неё обычно использовалась ЛЕ *porte-drapeau* [DAF-2, 1835, с. 463].

Воинское звание Печорина называется в романе всего лишь дважды:

Лермонтов	Столыпин
– Господин <i>прапорщик</i> ! – сказал я как можно строже. – Разве вы не видите, что я к вам пришел? [с. 218]	– Monsieur le sous-lieutenant, lui dis-je d'un ton sévère, ne voyez-vous pas que je suis venu chez vous ? [01 Oct]
– Господин <i>прапорщик</i> , вы сделали проступок, за который я могу отвечать <...> [с. 219]	– Monsieur le sous-lieutenant, vous venez de faire une faute dont la responsabilité peut retomber sur moi. [01 Oct]

Используемая переводчиком лексема *sous-lieutenant* обычно служила эквивалентом званию *подпоручика* (чин, следующий после *прапорщика*) [Рейф, 1835, с. 794; Эртель, 1842, с. 349]. Поскольку формы обращения *monsieur l'enseigne* и *monsieur le*

cornette (для кавалерии) не противоречили узусу эпохи [см., напр.: MURNF, 1846, с. 288 ; RNEPSL, 1862, с. 249], звание Печорина могло бы быть передано при помощи уже упомянутой выше ЛЕ *enseigne*. Однако необходимо принимать во внимание, что перевод выполнялся для читателя весьма далёкого от реалий России. А в сухопутных подразделениях Французской армии уже в 1762 г. звание *enseigne* было заменено званием *sous-lieutenant* [SHD]. Кроме того, во Франции ЛЕ *porte-enseigne* и *enseigne* зачастую употреблялись как синонимичные и соотносились с офицером-знаменщиком [TLFi]. Соответственно их одновременное использование в переводе не позволяло осуществить чёткое статусное ранжирование персонажей. Поэтому можно полагать, что в данном случае переводчик стремится не только адаптировать русскоязычную реалию к французской действительности, но и предельно однозначно соотнести звание Печорина с обер-офицерским статусом.

Во всех остальных случаях для обозначения звания главного героя А. А. Столыпин использует ЛЕ *lieutenant* (см. примеры выше), которую трудно рассматривать в качестве эквивалентного соответствия, поскольку она обычно актуализировала чин *поручика* Русской армии [Рейф, 1835, с. 794 ; Эртель, 1842, с. 18]. Именно так, например, интерпретировано в переводе звание *поручика* Вулича. Решение переводчика может быть обусловлено как его невнимательностью, так и возможным стремлением к краткости и запоминаемости обозначения главного героя в художественном тексте. Отметим также, что ЛЕ *lieutenant* по отношению к Печорину используется в переводе 11 раз, что значительно превосходит авторскую тенденцию его статусной репрезентации.

Актуализация статуса Максима Максимыча, имеющего в оригинале звание *штабс-капитана*, тоже является несколько неточной. Данный офицерский чин следовал после звания поручика и предшествовал званию капитана. Несмотря на то, что ЛЕ *штабс-капитан* могла передаваться при помощи формального эквивалента *capitaine en second* [Эртель, 1841, с. 163], переводчик избегает его употребления, предпочитая использовать ЛЕ *capitaine* (капитан). По нашему мнению, это решение обусловлено как стремлением избежать возможного двойного смысла, поскольку во Франции ЛЕ *capitaine en second* использовалась также на флоте [DAF-1, 1835, с. 256], так и желанием сохранить краткость репрезентации, которая оказывается более уместной в литературном произведении. Дополнительно отметим, что подобное «повышение» в звании Максима Максимыча присутствует и в других французских переводах романа и может рассматриваться как переводческое упрощение с использованием гиперонима.

Описание и характеристика в н е ш н о с т и действующих лиц тоже не лишены некоторой субъективности и содержат, в ряде случаев, дополнительные характеристики, отсутствующие в доступных для ознакомления текстах оригинала:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Грушницкий стоял у самого колодца; больше на площадке никого не было. Я подошёл ближе и спрятался за угол галереи [с. 266]	Groubinsky se tient à côté du puits, appuyé sur sa béquille, dans l'attitude d'un Marius qui médite sur les ruines de Carthage ; l'esplanade est déserte. Je m'approche et me cache derrière l'angle de la galerie. [12 Oct]	Грубинский стоит у колодца, опираясь на костыль, в позе Мария, размышляющего на руинах Карфагена; эспланада пустынна. Я подхожу и прячусь за угол галереи.
<...> я поднял её с земли и кое-как посадил к нему на седло;	Alors je soulevai le corps de la jeune fille et le plaçai sur le devant de la selle de mon compagnon.	Затем я поднял тело девушки и положил его спереди на седло моего спутника.

он обхватил её рукой, и мы поехали назад [с. 234]	Le lieutenant entoura de son bras <i>gauche sa forme ravissante</i> , et nous reprîmes en silence le chemin <i>de la forteresse</i> . [03 Oct]	Лейтенант обнял её восхитительную фигуру левой рукой, и мы молча поехали обратно в крепость.
---	--	--

В первом случае в описание внешности Грушницкого включена несколько ироническая характеристика, которая отсылает к склочному, деспотичному и властолюбивому древнеримскому полководцу Гаю Марию. Согласно Плутарху, он был объявлен врагом государства и, сидя в задумчивости на руинах некогда процветавшего города, предавался размышлениям о превратностях фортуны [Плутарх]. Этот исторический сюжет был хорошо известен и неоднократно воспроизводился в живописных и скульптурных композициях XIX в. В частности формулировка тематики, объявленной в номинации «Скульптура» в рамках конкурсного состязания, организованного в 1837 г. под эгидой Французской академии художеств, была весьма близка к представленной в переводе интерпретации: «*Marius, proscrit et fugitif, médite, au milieu des ruines de Carthage, sur l'inconstance de la fortune*» («Изгнанник и беглец Марий размышляет среди руин Карфагена о непостоянстве судьбы») [JS, 1837, с. 690]. Учитывая сохранившееся свидетельство одного из знакомых М. Ю. Лермонтова о том, что «те, которые были в 1837 году в Пятигорске, вероятно, давно узнали и княжну Мери, и Грушницкого <...>» [Сатин, 1895, с. 239], можно предположить, что данное переводческое решение может быть обусловлено тем, что А. А. Столыпину, в той или иной мере, был знаком реальный прототип литературного героя.

Во втором микроконтексте можно отметить наличие дополнительных переводческих конкретизаций (*sur le devant de la selle*, *de son bras gauche* и *chemin de la forteresse*), а также включение в характеристику расхожего сочетания *forme ravissante*, которое заметно контрастирует с драматизмом описываемой ситуации. Пурист В. В. Набоков укорял автора романа в пристрастии к некоторым словам и оборотам, свойственным литературным произведениям эпохи [Набоков, 1988, с. 193]. Однако в анализируемом переводе появление подобных конструкций происходит, в ряде случаев, по воле переводчика. Их введение сложно рассматривать как переводческую компенсацию, направленную на передачу некоторых «изъянов» оригинального стиля. Приведём в качестве дополнительного примера:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Я упёрся коленкою в дно, схватил её одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросил её в волны. Было уже довольно темно <...> [с. 258]	J'appuyai mon genou contre le fond ; d'une main je saisis <i>une des tresses de la chevelure humide, dont je lui fis un collier</i> ; de l'autre, je serrai de toutes mes forces. Aussitôt les <i>doigts crispés qui s'étaient incrustés</i> dans mes vêtements, se détendirent. [08 Oct] <i>Débarrassé de l'étreinte amoureuse</i> , je soulevai dans mes bras le <i>corps ravissant de la sylphide</i> , et le lançai au plus loin dans la mer ... Il faisait sombre cette nuit-là <...> [08 Oct]	Я упёрся коленом в дно; одной рукой я схватил одну из мокрых кос, которую обвил вокруг её шеи; другой рукой сжал изо всех сил. Сразу же стиснутые пальцы, вцепившиеся в мою одежду, расслабились. Освободившись от любовных объятий, я поднял прекрасное тело сильфиды на руки и бросил его подальше в море. Ночь была тёмной <...>

Переводчик трансформирует лапидарный авторский текст в достаточно субъективную интерпретацию, содержащую дополнительные конкретизации (*une des tresses de la chevelure humide; dont je lui fis un collier; doigts crispés qui s'étaient incrustés*) и привычные формулировки из лексикона литературы периода романтизма (*étreinte amoureuse; corps ravissant*). Кроме того, уподобление девушки-контрабандистки *сильфиде* вступает в заметный диссонанс с контекстуальной ситуацией, который тем более ощутим, что немногим далее воздушная *сильфида* превращается *коварную наяду* (*perfide naïade*):

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
<...> и не очень удивился, а почти обрадовался, узнав мою <i>русалку</i> . Она выжимала морскую пену из длинных волос своих <...> [с. 259]	<...> ma satisfaction dépassa presque ma surprise quand je reconnus ma jeune et <i>perfide naïade</i> . Elle était paisiblement occupée à faire découler l'eau de sa longue chevelure. [08 Oct]	<...> удовлетворение почти превзошло моё удивление, когда я узнал мою юную и коварную наяду. Она безмятежно выжимала воду из своих длинных волос.

Для метафорической репрезентации юной контрабандистки в оригинале используются практически синонимичные лексемы *ундина* (3 употребления) и *русалка* (2). Они восходят к очень близким антропоморфным женским мифологическим образам, которые символизировали духов водоёмов и полей. Согласно поверьям, эти существа имели привычку расчёсывать свои длинные волосы и завлекать путников пеньем и красотой. Кроме того, автор сравнивает необычную девушку с замкнутой и нелюдимой странствующей акробаткой Миньонной, идеализированным женским персонажем из романа И. В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера».

Референция на «Гётеву Миньону» (*«la Mignon de Goethe»* [08 Oct]) сохраняется в переводе. Но наряду с этим А. А. Столыпин интерпретирует образ персонажа сквозь призму этимологически различных мифологических прототипов: *сильфиды* (*sylphide* – 2 раза), *наяды* (*naïade* – 2 раза), *ундины* (*ondine* – 1 раз) и *перу* (*péri* – 1 раз). Однако в отличие от наяд и ундин, *сильфиды* относятся к антропоморфным духам воздуха. Их основным атрибутом являются маленькие крылышки, похожие на крылья бабочек. Такое переводческое решение дополнительно акцентирует внимание на идее любовной игры и наваждения, которая, возможно, была навеяна балетом «Сильфида», пользовавшимся в то время большим успехом у отечественной и зарубежной публики. Кроме того, переводчик однократно описывает девушку-контрабандистку при помощи отсутствующего в оригинале словосочетания *apparition gracieuse* (досл. прелестное видение), чем дополнительно подчёркивает иллюзорность персонажа.

Обращение к ЛЕ *péri* ещё более усугубляет субъективность интерпретации, поскольку данная лексема отсылает к крылатым мифологическим существам женского пола, характерным для культур Ближнего Востока и Средней Азии. ЛЕ *перу* была типичной для романтического русского лексикона, куда она прочно вошла после выхода в свет переводов восточной повести Томаса Мура «Лалла Рук» [Алексеев, 1982, с. 675]. В оригинальном тексте ЛЕ *перу* употребляется 1 раз и соотносится исключительно с образом Бэлы, позволяя подчеркнуть его самобытность. В целом, выявленная переводческая вариативность метафорической актуализации девушки-контрабандистки не способствует воссозданию эстетической синкретичности её образа и во многом обусловлена современным переводчику экстралингвистическим культурным и языковым окружением.

Актуализация поведения, психологических и эмоциональных особенностей действующих лиц тоже не лишена определённой субъективности. Рассмотрим в качестве примера:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
Я не обращал внимания на её трепет и смущение, и губы мои коснулись её нежной щёчки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ехали сзади; никто не видал [с. 310]	Je n'ai tenu compte ni de son agitation, ni de sa frayeur ; mes lèvres ont déposé sur sa bouche une empreinte de feu. La pauvre enfant a tressailli dans tous ses membres, puis elle est tombée privée de connaissance dans mes bras. [20 Oct]	Я не обращал внимания ни на её волнение, ни на её испуг; мои губы оставили огненный отпечаток на её губах. Бедняжка вздрогнула всем телом, затем она упала без чувств в мои объятия.

Переводчик превращает достаточно сдержанное поведение героев в более страстный порыв, который дополняет собственным продолжением. Использование эмоционально маркирующего словосочетания *la pauvre enfant* в значении *бедняжка* по отношению к женщине встречается в переводе 8 раз: 4 раза по отношению к княжне Мери и столько же в адрес Бэлы. В оригинальном тексте ЛЕ *бедняжка* по отношению к персонажам женского пола (княжне Мери и Бэле) употребляется однократно по отношению к каждой из героинь. Можно полагать, что расхождения частотности употребления данной ЛЕ связаны с особенностями субъективного восприятия и лингвистическими пристрастиями переводчика.

Имеющиеся в романе фразы на французском языке, тоже претерпевают в переводе некоторые изменения. Например:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
– Mon cher, je hais les hommes pour ne pas les mépriser car autrement la vie serait une farce trop dégoûtante [с. 265]	– Mon cher, si je hais les hommes, c'est pour ne pas être obligé de les mépriser, car autrement la vie serait une farce par trop dégoûtante. [12 Oct]	Лермонтов: – Милый мой, я ненавижу людей, чтобы не презирать их, потому что иначе жизнь была бы слишком отвратительным фарсом. Столыпин: Милый мой, если я и ненавижу людей, то это для того, чтобы не быть вынужденным презирать их, иначе жизнь была бы слишком отвратительным фарсом.

Такое решение переводчика может быть объяснено стремлением к некоторому ослаблению резкости выражения и служит частичной экспликацией авторского суждения. Анализ текста свидетельствует, что похожая тенденция спорадически проявляется и в других ситуациях:

Лермонтов	Столыпин	Обратный перевод
<...> коварная нескромность истинного друга понятна каждому [с. 248]	<...> l'hypocrite indiscretion d'un ami n'est pas chose dont il soit bien difficile de se rendre compte <...> [07 Oct]	<...> лицемерная нескромность друга – это не та вещь, которую очень трудно понять <...>
<...> щёки пылали; ей было жаль меня! Сострадание – чувство, которому покоряются так легко все женщины, впустило свои когти в её неопытное сердце [с. 297]	<...> ses joues brûlaient, son âme compatissante s'élançait au-devant de mes douleurs ; la pauvre enfant avait pitié de moi, la pitié ! généreux sentiment qui a perdu tant de femmes. [17 Oct]	<...> щёки её горели, её отзывчивая душа устремилась навстречу моим горестям; бедняжка испытывала сострадание ко мне, сострадание! Благородное чувство, которое погубило столько женщин.

Опущение в переводе прилагательного *истинного*, смысл которого мог бы быть достаточно близко передан при помощи эквивалентов *véritable* или *vrai*, а также перевод эпитета *коварная* при помощи ЛЕ *hypocrite* (лицемерная) позволяют уменьшить резкость авторского сарказма. Во втором случае переводчик отказывается от воспроизведения едкого парадокса *сострадание <...> впустило свои когти* (варианты перевода: *la pitié <...> planta/enfonça /mit ses griffes*), предпочитая более нейтральную констатацию неутешительной реальности, в которой даже самые добрые и благородные чувства могут причинять вред. Отметим, что в процитированном фрагменте глагол *perdre* имеет значение *faire périr* [URL: TLFi], которое не является широко употребительным в современном языке.

Наряду с вышеперечисленными особенностями, перевод А. А. Столыпина отличаются свободное владение переводящим языком, непринуждённый стиль изложения, а также достаточно частое использование «форенизирующего» перевода (транслитерации в сочетании с эксплицирующей переводческой сноской) для передачи локальных кавказских реалий, связанных с действующими лицами произведения.

3. Заключение [Conclusion]

Предпринятый анализ свидетельствует о том, что актуализация основных действующих лиц отличается определённой субъективностью, обусловленной особенностями восприятия литературных образов и эстетическими приоритетами самого переводчика.

Выявленные модификации авторского текста во многом соответствуют существовавшим в то время основным положениям традиционной французской нормы перевода, которая была сформулирована ещё в XVI в. и рекомендовала переводчику видоизменять исходный текст с целью более адаптированной передачи его содержания для иноязычного реципиента [Raková, 2014, с. 23–24].

Среди наиболее существенных особенностей актуализации действующих лиц, свойственных переводу А. А. Столыпина, можно выделить: во-первых, стремление к облегчению номинативной идентификации героев произведения для иноязычного читателя; во-вторых, определённое пристрастие к иерархии и статусному маркированию персонажей; в-третьих, модификацию объёма и содержания текста оригинала, путём введения дополнительных конкретизаций, характеристик и описаний; в-четвёртых, некоторое стремление к смягчению авторских суждений и к экспликации мотивов и особенностей героев; в-пятых, определённую зависимость переводческой интерпретации персонажей от современного переводчику экстралингвистического контекста; в-шестых, создание в переводе собственных экстратекстовых референций. Авторские референции, как правило, тоже сохраняются. Последнее весьма интересно, поскольку затрагивает сложные и недостаточно изученные проблемы референциальности и интертекстуальности в переводных текстах [Roux-Faucard, 2006; Venuti, 2006].

Проведённое исследование наглядно свидетельствует, что перевод, современный времени создания оригинала, сохраняет в себе характерные языковые и социо-культурные особенности своего времени, что делает его необходимым звеном комплексного изучения индивидуального стиля переводчика.

Список источников

- Лермонтов, 1839 – Лермонтов М. Ю. «Бэла» // Отечественные записки. 1839. Т. 2, № 3, отд. III. С. 167–212. (ОЗ-2).
- Лермонтов, 1843 – Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Ч. 1–2. СПб. : Типография Ильи Глазунова и К°, 1843. (ГНВ).
- Лермонтов, 1840 – Лермонтов М. Ю. «Тамань» // Отечественные записки. 1840. Т. 8, № 2, отд. III. С. 144–154. (ОЗ-8).

- Лермонтов, 1839 – Лермонтов М. Ю. «Фаталист» // Отечественные записки. 1839. Т. 6, № 11, отд. III. С. 146–158. (ОЗ-6).
- Лермонтов, 1957 – Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. Т. 6 : Проза. Письма. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1957.
- Плутарх, 1994 – Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М. : Наука, 1994. URL : <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1439002200>
- Рейф, 1835 – Рейф К. Ф. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологический лексикон Русского языка. СПб., 1835. 1428 с.
- Эртель, 1841 – Эртель В. А. Французско-русский словарь, извлеченный из новейших источников. Т. 1. СПб., 1841. 572 с.
- Эртель, 1842 – Эртель В. А. Французско-русский словарь, извлеченный из новейших источников. Т. 2. СПб., 1842. 476 с.
- DAF-1, 1835 – Dictionnaire de L'Académie française, VIe édition. Tome 1. Paris, 1835. 911 p.
- DAF-2, 1835 – Dictionnaire de L'Académie française, VIe édition. Tome 2. Paris, 1835. 961 p.
- JS, 1837 – Journal des savants. Paris : Juillet 1837. 400 p.
- DP, 1843 – La Démocratie pacifique. 1843. URL : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32755585p/date>
- MURNF, 1846 – Les mille et un romans, nouvelles et feuilletons. Paris, 1846. 726 p.
- RNEPSL, 1862 – Revue nationale et étrangère, politique, scientifique et littéraire. 1862. Vol. 9. 648 p.
- SHD – Service historique de la Défense. URL : <https://www.servicehistorique.sga.defense.gouv.fr/guides-aide/les-grades-dans-larmee>
- TLFi – TLFi. URL : <http://www.atilf.fr/tlfi>

Material sources

- Lermontov, M. Yu. (1839). Bela. *Otechestvennyye zapiski* [Notes of the Motherland]. (O3-2), 2 (3), Part III, 167–212. (In Russ.).
- Lermontov, M. Yu. (1843). *Geroy nashogo vremeni* [A hero of our time]. (ГНБ), ["A Hero of Our Time"], Ilya Glazunov and K°. (In Russ.).
- Lermontov, M. Yu. (1839). Fatalist. *Otechestvennyye zapiski* [Notes of the Motherland]. (O3-6), 6 (11), Part III, 146–158. (In Russ.).
- Lermontov, M. Yu. (1840). Taman. *Otechestvennyye zapiski* [Notes of the Motherland]. (O3-8), 8 (2), Part III, 144–154. (In Russ.).
- Lermontov, M. Yu. (1957). *Sochineniya* [Collection of works]. In 6 volumes. Vol. 6 : Prosa, pis'ma [Prose. Letters]. Moscow ; Leningrad : Academy of Sciences of the USSR Press. (In Russ.).
- Plutarch. (1994). *Sravnitel'nye zhizneopisaniya v dvukh tomah* [Comparative biographies in two volumes]. (In Russ.). <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1439002200>
- Rafe, K. F. (1835). *Russko-frantsuzskiy slovar', v kotorom russkie slova raspolozheny po proiskhozhdeniyu, ili etimologicheskiiy leksikon Russkogo yazyka* [Russian-French dictionary, in which Russian words are located by origin, or Etymological lexicon of the Russian language]. (In Russ.).
- Ertel, V. A. (1841). *Francuzsko-russkiy slovar, izvlechennyi iz noveyshikh istochnikov*. [French-Russian dictionary, extracted from the latest sources]. Vol. 1. (In Russ.).
- Ertel, V. A. (1842). *Francuzsko-russkiy slovar, izvlechennyi iz noveyshikh istochnikov* [French-Russian dictionary, extracted from the latest sources]. Vol. 2. (In Russ.).
- Dictionnaire de l'Académie française. (1835). Vol. 1. (DAF-1).
- Dictionnaire de l'Académie française. (1835). Vol. 2. (DAF-2).
- Journal des savants (July, 1837). (JS).
- La Démocratie pacifique. (1843). (DP). <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32755585p/date>
- Les mille et un romans, nouvelles et feuilletons. 1846. (MURNF).
- Revue nationale et étrangère, politique, scientifique et littéraire. (1862). 9. (RNEPSL).
- Service historique de la Défense. (SHD). <https://www.servicehistorique.sga.defense.gouv.fr/guides-aide/les-grades-dans-larmee>
- TLFi. <http://www.atilf.fr/tlfi>

Библиографический список

- Алексеев, 1982 – Алексеев М. П. Томас Мур и русские писатели XIX века // Литературное наследство. Т. 91 / под ред. И. С. Зильберштейна. М. : Наука, 1982. С. 657–824.
- Герштейн, 1976 – Герштейн Э. Г. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М. : Художественная литература, 1976. 128 с.
- Кандель, 1962 – Кандель Б. Л. Библиография переводов романа «Герой нашего времени» на иностранные языки // Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 203–218.
- Карбоне, 2020 – Карбоне А. Три французских перевода «Героя нашего времени» // Лермонтовские чтения – 2019. Многогранные аспекты изучения творчества М. Ю. Лермонтова : сб. статей. СПб. : Ано Россика «Лики», 2020. С. 31–46.
- Набоков, 1988 – Набоков В. В. Предисловие к «Герою нашего времени». Перевод, комментарии и вступительное слово Сергея Таска // Новый мир. 1988. № 4. С. 189–195.
- Недумов, 1974 – Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь : Книжное изд-во. 307 с.
- Сатин, 1895 – Сатин М. Н. Отрывки из воспоминаний // Почин. Сборник Общества любителей российской словесности. М. : Типо-литография «Русского товарищества печатного и издательского дела». С. 237–250.
- Фененко, 2013 – Фененко Н. А. Реалия как маркер стратегии перевода // Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации / под ред. Н. А. Фененко, А. А. Кретьева. Воронеж : ИПЦ ВГУ. С. 60–73.
- Фокин, 2015 – Фокин С. Л. Загадки и задачи двух французских переводов «Героя нашего времени»: Монго и Борис де Шлёцер // Мир Лермонтова / под ред. М. Н. Виротайнен и А. А. Карпова. М. : Скрипторум. С. 823–836.
- Шепелев, 1977 – Шепелев Л. Е. Отмененные историей чины, звания, титулы в Российской империи. Л. : Наука, 1977. 153 с.
- Baker, 2000 – Baker M. Towards a methodology for investigating the style of literary translator // Target. 2000. Vol. 12. P. 241–266.
- Beals, 2014 – Beals K. Alternatives to impossibility: Translation as dialogue in the works of Paul Celan. // Translation Studies. 2014. Vol. 7, N 3. P. 284–299.
- Morel, 2006 – Morel M. Éloge de la traduction comme acte de lecture // Palimpsestes. Revue de traduction. 2006. Hors-série. P. 25–36.
- Munday, 2008 – Munday J. Style and Ideology in Translation. New York : London : Routledge, 2008. 261 p.
- Peeters, 2016 – Peeters K. Traduction, retraduction et dialogisme // Meta : journal des traducteurs / Meta : Translators' Journal. 2016. Vol. 61, N 3. P. 629–649.
- Raková, 2014 – Raková Z. Les théories de la traduction. Brno : Masarykova univerzita, 2014. 170 p.
- Roux-Faucard, 2003 – Roux-Faucard G. Intertextualité et traduction. Meta : journal des traducteurs/ Meta : Translators' Journal. 2006. Vol. 51, N 1. P. 98–118.
- Saldanha, 2011 – Saldanha G. Translator style: Methodological considerations // The Translator. 2011. Vol. 17, N 1. P. 25–50.
- Saldanha, 2014 – Saldanha G. Style in, and of, translation // A Companion to Translation Studies / Ed. by S. Berman, C. Porter. Chichester : Blackwell-Wiley, 2014. P. 95–106.
- Venuti, 2006 – Venuti L. Traduction, intertextualité, interprétation. // Palimpsestes. Revue de traduction. 2006. N 18. P. 17–42.
- Walder, 2013 – Walder C. A timbre of its own: Investigating style in translation and original writing // New Voices in Translation Studies. 2013. Vol. 9, N 1. P. 53–68.

References

- Alekseev, M. P. (1982). Tomas Mur i russkie pisateli XIX veka [Thomas Moore and Russian Writers of the 19th Century]. In I. S. Zil'bershteyn (Ed.), *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage] (Vol. 91, pp. 657–824). (In Russ.).

- Gershtein, E. G. (1976). “*Geroy nashego vremeni*” M. Yu. Lermontova [“A hero of our time” by M. Yu. Lermontov]. Moscow : Khudozhestvennaya literature Press. (In Russ.).
- Kandel B. L. (1962). Bibliografiya perevodov romana «Geroy nashego vremeni» na inostrannye yazyki [The bibliography of translations of the novel “A hero of our time” into foreign languages]. *Lermontov M. Yu. . “Geroy nashego vremeni”* [Lermontov M. Yu. . “A hero of our time”], (pp. 203–218). Moscow : USSR Academy of Sciences Press. (In Russ.).
- Carbone A. (2020). Tri frantsuzskikh perevoda “Geroya nashego vremeni” [Three French translations of “A Hero of Our Time”]. *Lermontovskie chteniya – 2019. Mnogogrannnye aspekty izucheniya tvorchestva M. Yu. Lermontova* [Lermontov Readings – 2019. The diverse aspects of research of the works of Mikhail Lermontov]: A collection of papers (pp. 31–46). St Petersburg : Ano Rossika, “Liki” Press. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (1988). Predislovie k «Geroyu nashego vremeni». Pervod, kommentarii i vstupitel'noe slovo Sergeya Taska [Foreword to “A hero of our time”. Translation, commentary and foreword by Sergey Task]. *Novyy mir* [New World], 4, 189–195. (In Russ.).
- Satin, M. N. (1895). Otryvki iz vospominaniy [Excerpts from memoirs]. *Pochin. Sbornik Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti* [Initiative. Proc. of the Amateurs of Russian Literature Society] (pp. 237–250). Moscow : Tipo-litografiya of the Russian Society of Publishers (In Russ.).
- Feneko, N. A. (2013). Realiya kak marker strategii perevoda [Realia as a marker of the translation strategy]. In N. A. Feneko, A. A. Kretova (Eds), *Frantsuzskie i russkie realii v aspekte teorii mezhyazykovoy renominatsii* [French and Russian realias in the aspect of the theory of interlingual renomination] (pp. 60–73). Voronezh : IPTs VGU Press. (In Russ.).
- Fokin, S. L. (2015). Zagadki i zadachi dvukh frantsuzskikh perevodov «Geroya nashego vremeni»: Mongo i Boris de Shletser [Riddles and tasks of two French translations of “A Hero of Our Time”: Mongo and Boris de Schloezer]. In M. N. Virolaynen, A. A. Karpov (Eds), *Mir Lermontova* [Lermontov's World] (pp. 823–836). Moscow : Skriptorum Press. (In Russ.).
- Shepelev, L. E. (1977). *Otmennyye istoriey chiny, zvaniya, tituly v Rossiyskoy imperii* [Canceled by history. Grades, ranks and titles in the Russian Empire]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Baker, M. (2000). Towards a methodology for investigating the style of literary translator. *Target*, 12, 241–266.
- Beals, K. (2014). Alternatives to impossibility: Translation as dialogue in the works of Paul Celan. *Translation Studies*, 7 (3), 284–299.
- Cadot, M. (1967). *L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856)*. Thèse de doctorat. Paris : Fayard.
- Morel, M. (2006). Éloge de la traduction comme acte de lecture. *Palimpsestes. Revue de traduction* (pp. 25–36). Hors-série.
- Munday J. (2008). *Style and Ideology in Translation*. New York : London : Routledge.
- Peeters, K. (2016). Traduction, retraduction et dialogisme, *Meta: journal des traducteurs*, 61, 3, 629–649.
- Raková, Z. (2014). *Les théories de la traduction*. Brno : Masarykova univerzita.
- Roux-Faucard, G. (2006). Intertextualité et traduction. *Meta: journal des traducteurs*, 51, 98–118.
- Saldanha, G. (2011). Translator style: Methodological considerations. *The Translator*, 17 (1), 25–50.
- Saldanha, G. (2014). Style in, and of, translation. In S. Berman, C. Porter (Eds), *A Companion to Translation Studies* (pp. 95–106). Chichester : Blackwell-Wiley.
- Venuti, L. (2006). Traduction, intertextualité, interprétation. *Palimpsestes. Revue de traduction*, 18, 17–42.
- Walder, C. (2013). A timbre of its own: Investigating style in translation and original writing. *New Voices in Translation Studies*, 9 (1), 53–68.